

Иммануил Кант

О САМОИЗОБЛИЧЕНИИ, САМОЛЮБИИ, САМОРАЗРУШЕНИИ И ДРУГИХ РЕФЛЕКСИЯХ И ПОСТУПКАХ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К САМОМУ СЕБЕ

Аннотация. В статье рассматриваются: возможности восстановления в силе задатков добра; зло и добро как сущностные максимы человека. Отстаивается положение о том, что моральное воспитание человека должно начинаться с преобразования образа мыслей и возвышенности чувства человека своего морального назначения.

Ключевые слова: чистота морального закона; моральное воспитание; гражданская честность; чувство морального назначения; максимы мотивов; самосовершенствование (улучшение добродетелей).

Abstract. Good and evil are seen as a man's essential maxima. The thesis that human moral upbringing should be started with way of thinking transformation and eminence of a man's moral purpose feeling is asserted.

Keywords: purity of moral law; moral upbringing; civil honesty; feeling of moral purpose; motive maxima; self-perfection (improving virtues).

Иммануил Кант (22.04.1724–12.02.1804) – немецкий философ, родоначальник классического идеализма. Родился в г. Кенигсберге (ныне Калининград). Окончил Кенигсбергский университет (1745). Работал домашним учителем; с 1755 г. – приват-доцентом; с 1770 г. – профессором Кенигсбергского университета. И. Кант был членом Петербургской академии наук.

Философское развитие И. Канта делится на два периода – докритический (до начала 70-х гг. XVIII в.) и критический, когда И. Кант приступил к критике разума, изложенной в «Критике чистого разума», «Критике практического разума», «Критике способности суждения».

Среди трудов И. Канта особое место занимает «Религия в пределах только разума» и «Метафизика нравов». Первая работа анализирует философские проблемы религии и содержит важнейшую часть его этической теории. Вторая работа – итоговый труд по философии права и нравственности.

Главным для И. Канта было изучение поведения человека, его поступков. И. Кант полагал, что для человеческого разума первичен практический, а не теоретический разум. Знание имеет ценность только в том случае, если оно помогает человеку стать человечнее, помогает обрести нравственную почву, реализовать идею добра. Вера в Бога для него – это моральная убежденность, способность следовать долгу. Понятие «долг» для И. Канта имело сущностное значение.

И. Кант полагал, что сама философия имеет смысл лишь постольку, поскольку она служит воспитанию человека: «Какая польза от философии, если она не направляет средства обучения людей на достижения истинного блага?»

Систематическое изложение этики И. Кант предпринял в работе «Основы метафизики нравов» (1785). И. Кант полагал, что самый обыденный рассудок легко может достигнуть истины в этой сфере.

Материалы к публикации подготовила профессор В. С. Мухина.

Общее замечание о восстановлении в силе первоначальных задатков добра*

Человек должен сам себя делать

Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он *сам себя* должен делать или сделать таким. И то и другое должно быть результатом его свободного произволения; иначе это не могло бы быть вменено ему в вину, следовательно, он не мог бы быть ни *морально* добрым, ни *морально* злым. Если говорят: он рожден *добрым*, то это может означать только то, что он создан для *добра* и что первоначальные *задатки* в человеке добрые. Сам же человек добр не поэтому; он становится добрым или злым в зависимости от того, принимает ли он в свою максиму те мотивы, которые заключаются в этих задатках или нет (что должно быть полностью предоставлено его свободному выбору). Если допустить, что, для того чтобы стать добрым или лучшим, необходимо еще сверхъестественное содействие, то, будет ли оно состоять в уменьшении препятствий или в положительной помощи, человек должен до этого сделать себя достойным получить его и принять эту *помощь* (это немаловажно), то есть принять в свою максиму положительное увеличение силы, благодаря чему только и становится возможным, что ему приписывается добро и его признают добрым человеком.

Как злой человек сделает себя добрым?

Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, – это выше нашего понима-

* См.: Кант И. Религия в пределах только разума: Собр. соч.: В 8 т. – Т. 6. – М., 1994. – С. 46–55.

ния; в самом деле, каким образом злое дерево может приносить добрые плоды? А так как, по ранее сделанному признанию, первоначально (по задаткам) доброе дерево принесло дурные плоды* и так как падение от добра ко злу (если только вспомнить, что это зло возникает из свободы) не более понятно, чем восхождение от зла к добру, то нельзя оспаривать возможность последнего. Несмотря на отпадение, заповедь: *мы должны стать лучше* – не ослабевая, звучит в нашей душе. Следовательно, мы должны также и *мочь* сделать это, хотя бы то, что мы можем сделать, само по себе было недостаточным, и тем самым мы делаем себя только способными принять непостижимое для нас высшее содействие. Конечно, при этом предполагается, что зародыш добра остался во всей своей чистоте, не мог быть уничтожен или испорчен, а этим зародышем не может быть, конечно, себялюбие, ибо себялюбие, если оно признается принципом всех наших максим, есть как раз источник всего зла.

Восстановление
чистоты морального
знания

Восстановление первоначальных задатков добра в нас есть, следовательно, не приобретение *утраченного* побуждения к добру, ибо это побуждение, состоящее в уважении к моральному закону, мы никогда потерять не можем, а если бы это было возможно, то мы никогда не могли бы приобрести его вновь. Оно, следовательно, есть только восстановление *чистоты* морального закона как высшего основания всех наших максим, согласно которой моральный закон не только не должен быть связан с другими мотивами и тем более подчиняться им (склонностям) как условиям, а должен быть в своей полной чистоте принят в максимы как сам по себе *достаточный* мотив определения произволения. Изначальное добро есть *святость максим* в исполнении своего долга, благодаря чему человек, принимающий эту чистоту в свою максиму, хотя от этого еще сам не становится святым (ведь между максимой и действием еще большое расстояние), встает на путь к тому, чтобы приблизиться к ней в бесконечном движении вперед. Ставшее привычкой твердое решение исполнять свой долг и называется *добродетелью* по легальности, как ее *эмпирическому харак-*

* Доброе по задаткам дерево еще не таково на деле; ведь если бы оно было таким, то оно не могло бы, конечно, приносить дурные плоды. Только в том случае, если человек принимает в свою максиму заложенные в него мотивы для морального закона, он называется добрым человеком (дерево вообще – доброе дерево).

теру (*virtus phaenomenon*). Она имеет, следовательно, постоянную максимуму *законсообразных* поступков; мотивы, в которых нуждается для этого произволение, можно брать откуда угодно. Вот почему добродетель в этом смысле приобретает *постепенно* и означает у некоторых долгую привычку (в соблюдении закона), благодаря которой человек от склонности к пороку через постепенные реформы своего поведения и утверждение своих максимум переходит к противоположной склонности. Для этого нужно не *изменение в сердце*, а изменение только в *нравах*.

Человек может считать себя добродетельным если...

Человек считает себя добродетельным, если он чувствует себя твердым в максимах исполнения своего долга, хотя и не из высшего основания всех максимум, а именно не из чувства долга; неумеренный, например, возвращается к умеренности ради здоровья; лжец – к истине ради чести, несправедливый к гражданской честности ради покоя или выгоды и т.д. Все это исходя из превозносимого принципа счастья. Но то, что кто-нибудь становится не только по закону, но и по морали добрым (богоугодным) человеком, то есть добродетельным по умопостигаемому характеру (*virtus noumenon*), который, если он что-то признает долгом, больше уже не нуждается ни в каких других мотивах, кроме этого представления о самом долге, не может быть вызвано постепенной *реформой*, пока основание максимум остается нечистым, а должно быть вызвано *революцией* в образе мыслей человека (через переход к максимуму его святости); и новым человеком он может стать только через некое возрождение, как бы через новое творение (Ев. от Иоанна, 3, 5; ср. 1 Моисея, 1, 2) и изменение в сердце.

Но если человек в основании своих максимум испорчен...

Но если человек в основании своих максимум испорчен, то как же возможно, чтобы он собственными силами был в состоянии совершить эту революцию и сам собой сделался добрым человеком? И все же долг повелевает быть таким, а повелевает он нам только то, что для нас исполнимо. Это можно сочетать только так, что революция необходима для образа мыслей, а для образа чувств (который препятствует ей) необходима постепенная реформа, и потому они возможны для человека. Это значит: если высшее основание своих максимум, из-за которого он был злым человеком, он ниспровергает одним-единственным твердым решением (и через это облекается в нового человека), то в этом смысле он по принципу и образу мыслей есть субъект, восприимчивый к добру, но добрый человек

он только в непрерывной деятельности и созидании, то есть он может надеяться, что при такой чистоте принципа, который он взял за высшую максимум своего произволения и при твердости того принципа он находится на добром (хотя и узком) пути постоянного *движения вперед* от плохого к лучшему. Для того, кто вникает в интеллигибельное основание сердца (всех максимум произволения), для кого, следовательно, эта бесконечность движения вперед есть единство, то есть для Бога, это значит быть действительно хорошим (Ему угодным) человеком; и постольку это изменение можно рассматривать как революцию; но в суждении людей, которые себя и силу своих максимум могут оценивать только по тому, насколько они одерживают верх над чувственностью во времени, что изменение есть никогда не прекращающееся стремление к лучшему, стало быть, постепенная реформа склонности к злему как извращенного образа мыслей.

Морально
воспитание человека
должно начинаться
с преобразования
мыслей

Из этого следует, что моральное воспитание человека должно начинаться не с исправления нравов, а с преобразования образа мыслей и с утверждения характера, хотя, обыкновенно, дело происходит иначе, и борются против отдельных пороков, а общий их корень остается нетронутым. Но ведь даже самый ограниченный человек поддается впечатлению от уважения к сообразному с долгом поступку тем сильнее, чем больше он мысленно отвлекается от других мотивов, которые могли бы из-за себялюбия иметь влияние на максимум поступка; и даже дети способны подмечать самый ничтожный след примеси ненастоящих мотивов, и тогда поступок мгновенно утрачивает для них всякую моральную ценность. Тем, что ставят в *пример* доброго человека (что касается законосообразности поступка) и дают своим ученикам в области морали судить о нечистоте некоторых максимум по действительным мотивам поступков, задатки добра необычайно развиваются и постепенно переходят в образ мыслей, так что *долг* ради одного только долга начинает получать в их сердцах заметный вес. Но учить *удивляться* добродетельным поступкам, каких бы жертв они ни стоили, – это еще не то настоящее настраивание, которое должно расположить ученика к морально доброму. В самом деле, как бы человек ни был добродетелен, все, что он делает доброго, есть только долг; но исполнять свой долг – значит лишь делать то, что в нравственном порядке вещей, следовательно, не заслуживает быть предметом удивления. Скорее, подобного рода удивление есть такая поддержка долга со стороны наше-

В нас есть
первоначальные
моральные задатки

го чувства, как если бы повиновение долгу было чем-то необычайным и заслуживающим похвалы.

Но в нашей душе есть нечто такое, что если мы в него хорошенько всмотримся, мы уже не перестанем рассматривать с величайшим удивлением, а ведь когда удивление правомерно, то оно возвышает душу. Это первоначальные моральные задатки в нас вообще. Что это такое в нас (можно себя спросить), благодаря чему мы, существа, во многих потребностях постоянно зависимые от природы, вместе с тем можем в идее первоначальных задатков (в нас) так возвыситься над ней, что считаем все [эти потребности] вместе ничем и даже самих себя недостойными существования, если мы вопреки закону, посредством которого наш разум властно повелевает нами, ничего, однако, при этом не обещая и ничем не грозя, будем предаваться их удовлетворению, которое впрочем только и может сделать нам жизнь желанной.

Возвышенность
чувства своего
морального
назначения

Серьезность этого вопроса должен в глубине души чувствовать каждый человек даже самых заурядных способностей, которому прежде дали представление о святости, заключенной в идее долга, но который не поднялся еще до исследования понятия свободы, возникающего, прежде всего, из этого закона*, и даже непостижи-

* В том, что понятие свободы произволения не предшествует в нас осознанию морального закона, а только выводится из определяемости нашего произволения этим законом как безусловным велением, легко убедиться, если спросить себя: непременно ли и непосредственно ли мы сознаем в себе способность твердым решением превозмочь каждое все еще весьма сильное побуждение нарушить закон (*Phalaris licet imperet, ut sis Falsus, et admoto dictet perjuriam tauro*)? Каждый должен будет признаться, что он *не знает*, не станет ли он колебаться в своем решении, если представится такой случай. Тем не менее долг повелевает ему, безусловно: он *должен* оставаться ему верным; и отсюда он справедливо *заключает*: он необходимо должен также и мочь это, и произволение, следовательно, свободно. Те, кто морочит нам голову, представляя это непостижимое свойство как вполне понятное, создают словом или достаточными основаниями, иллюзию, будто трудность заключается в соединении его со свободой, о чем никто и не помышляет, как *преддетерминизм*, согласно которому произвольные поступки как события имеют свои определяющие основания в *предшествующее время* (которое вместе с тем, что в нем содержится, уже не в нашей власти), можно совместить со свободой, согласно которой данный поступок, а также противоположные ему поступки должны быть в момент совершения во власти субъекта, – вот что люди хотят постичь, но никогда не постигают.

Соединить понятие *свободы* с идеей Бога как *необходимого* существа не представляет никакой трудности, потому что свобода

мость этих задатков, свидетельствующая об их божественном происхождении, должна действовать на душу, приводя ее в восторженное состояние, и давать ей силы на самопожертвование, какое только может возложить на нее уважение к своему долгу. Как можно чаще возбуждать это чувство возвышенности своего морального назначения, – это особенно следует советовать в качестве средства пробуждать нравственный образ мыслей, потому что оно прямо противодействует прирожденной склонности к извращению мотивов в максимах нашего произволения, дабы в безусловном уважении к закону как высшему условию всех принимаемых максимумов среди мотивов восстановить в его чистоте первоначальный нравственный порядок, а тем самым и задатки добра в человеческом сердце.

В нас есть прирожденная испорченность в отношении всего доброго

Но разве этому восстановлению с помощью собственных сил не противоречит положение о прирожденной испорченности человека в отношении всего доброго? Конечно, [противоречит в том,] что касается постижимости, то есть нашего *усмотрения* возможности этого восстановления, как и возможности всего того, что должно быть представлено как событие во времени (изменение) и постольку как необходимое по законам природы, противоположное чему все же должно в то же время при действии моральных законов быть представлено как возможное через свободу; но возможности самого восстановления оно не противоречит. В самом деле, если моральный закон повелевает, что мы *должны* теперь быть лучше, то отсюда неизбежно следует, что нам необходимо и *мочь* это.

О прирожденном зле... и о добре

Положение о прирожденном зле никакого применения в моральной *догматике* не имеет, ибо все ее предписания заключают в себе те же обязанности и имеют ту же силу, будут ли в нас прирожденная склонность к нарушению их или нет. Но в моральной *аскетике* это положение может значить больше, хотя и не более, чем то, что в нравственном формировании прирожденных

состоит не в случайности поступка (будто он вовсе не детерминирован основаниями), то есть не в индетерминизме (будто для Бога одинаково должно быть возможным делать добро или зло, если его действие называть свободным), а в абсолютной спонтанности, которая подвергается опасности только при преддетерминизме, согласно которому определяющее основание поступка находится в *прошлом времени*, стало быть, так, что теперь поступок уже не в *моей* власти, а в руках природы и неодолимо меня определяет; а тогда это затруднение отпадает, ибо в Боге нельзя мыслить какую-либо последовательность во времени.

моральных задатков добра мы должны начинать не с естественной невинности, а с предположения о злонравии произволения в принятии его максим вопреки первоначальным нравственным задаткам, и так как склонность к этому неистребима, беспрестанно противодействовать ей. А поскольку это ведет только к бесконечному движению вперед от плохого к лучшему, то отсюда следует, что превращение образа мыслей злого человека в образ мыслей доброго человека заключается в изменении высшего внутреннего основания принятия всех его максим сообразно с нравственным законом, поскольку это новое основание (новое сердце) теперь само неизменно. Однако хотя человек и не может естественным образом дойти до убеждения в этом ни непосредственным сознанием, ни через доказательство, данное всей его прошлой жизнью, ибо глубина сердца (субъективное первое основание его максим) для него самого непостижима, но на пути, ведущем туда и указанном ему исправленным в самой основе образом мыслей, он должен иметь возможность *надеяться*, что он достигнет этого приложением *собственных* сил, ибо должен стать добрым человеком; но судить о нем как о *морально добром* следует лишь по тому, что может быть вменено ему как содеянное им самим.

Разум от природы не имеет охоты к моральному совершенствованию. Разум провозглашает всевозможные нечистые идеи религий

Против этого требования самоисправления разум, от природы не имеющий охоты к моральному совершенствованию, под предлогом естественной неспособности провозглашает всевозможные нечистые идеи религии (к ним относится идея – приписывать самому Богу принцип счастья как высшее условие его заповедей). Но все религии можно разделить на религию *снискания благосклонности* (одного лишь культа) и на *моральную*, то есть религию *доброго образа жизни*. По первой человек или льстит себя мыслью: Бог может сделать его навеки счастливым без того, чтобы для этого нужно было *стать лучше* (с помощью отпущения его прегрешений); или же, если это кажется ему невозможным, *Бог может сделать его лучше* без того, чтобы ему самому надо было сделать для этого что-то большее, чем *попросить* об этом, а так как перед лицом всевидящего существа просить – значит не более как желать, то и никакого действия, собственно говоря, не было бы; ведь если бы все дело было в желании, то каждый человек был бы добрым. По моральной же религии (а из всех когда-либо существовавших признанных религий такова только христианская) есть основоположение, что каждый должен делать все, что в его силах,

чтобы стать лучше; и только в том случае, если он не зароет в землю свой природный талант (Лука, 19, 12–16), если он использует свои первоначальные задатки добра, чтобы стать лучше, – только тогда он может надеяться, что то, что не в его силах, будет восполнено высшим содействием.

Человек сам должен что-то делать, чтобы стать достойным

И вовсе необязательно, чтобы человек знал, в чем оно состоит; может быть, даже неизбежно, чтобы о том способе, каким оно происходит, хотя он и был дан в известное время путем откровения, различные люди в другое время создали себе различные понятия и притом с полной искренностью. Но тогда действительно и следующее основоположение: «Не существенно и, следовательно, никому не обязательно знать, что Бог делает или сделал для его блаженства»; однако надо знать, *что человек сам должен делать*, чтобы стать достойным этого содействия.

(Продолжение следует.)